

ПОЛИТИКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX В.— НАЧАЛЕ XX В.

Корнеева Галина Андреевна

К.и.н., доцент, с.н.с., Хакасский государственный
научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории
korn-galina@yandex.ru

POLITICAL AND IDEOLOGICAL PRECONDITIONS FOR THE FORMATION OF A MULTI-PARTY SYSTEM IN SIBERIA IN THE LATE NINETEENTH CENTURY — THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

G. Korneeva

Summary. The article considers the issue of political and ideological preconditions for the formation of the Siberian multi-party system at the beginning of the 20th century, which is connected with the processes of differentiation and political consolidation of social forces in the defining boundaries of the main directions of social and political thought and movement. Already on the eve of the revolution, in the slightly differentiated opposition democratic movement in the region, the contours of the disintegration into trends within the main directions or the paradigm of the main «models» of the country's historical development began to be determined: the socialist and its non-radical type of variety — the Socialist Revolutionaries, the Popular Socialists, the liberal — on the basis of basic liberal values — the left flank (cadets), the liberal-conservative (Octobrists) flank of liberalism and the right-monarchist trend on the basis of moral politicians philosophy neoslavnyanofilskogo conservatism Shipovskaya Sheremetev-wing (in Tomsk took shape in the «circle» — STG department even before the Manifesto of October 17). The definition of contours with respect to the amorphous left flank of Western-type liberalism at the beginning of the revolution took on a radical character, which aroused the corresponding reaction of the socium, in the mental dimension of a traditionalist, extremely right-wing radical, that manifested itself in the wave of October pogroms. Given the multi-vector politico-ideological prerequisites for the formation of a multi-party system in Siberia, on the whole, the question of «rootedness» of right-wing parties, like the entire system, at the regional level calls for further research.

Keywords: Siberian region, First revolution of 1905–1907, main directions of social and political thought and movement, Siberian multi-party system, Narodniks, Socialist-Revolutionaries, Eneses, Constitutionnalists — liberals, Octobrists, rightists (Black Hundreds).

Аннотация. В статье рассматривается вопрос политико-мировоззренческих предпосылок формирования сибирской многопартийности начала XX в., который связан с процессами дифференциации и политической консолидации общественных сил в определяющихся границах основных направлений общественно — политической мысли и движения. Уже накануне революции в слабо дифференцированном оппозиционном демократическом движении региона стали определяться контуры распада на течения в границах основных направлений или парадигме основных «моделей» исторического развития страны: социалистическое и его разновидность неонароднического толка — эсеры, энесы, либеральное — на базе основных либеральных ценностей — левый фланг (кадеты), слабее проявился либерально — консервативный (октябристы) фланг либерализма и правомонархическое направление на базе нравственной политической философии неославянофильского консерватизма шиповско-шереметевского толка (оформилось в Томске в «кружок» — отдел СРЛ еще до выхода Манифеста 17 октября). Определение контуров относительно аморфного левого фланга либерализма западнического типа в начале революции приобретало радикальный характер, что вызвало соответствующую реакцию социума, в ментальном измерении традиционалистского, крайне праворадикального толка, проявившего себя в волне октябрьских погромов. При наличии разновекторных политико мировоззренческих предпосылок формирования многопартийной системы в Сибири, в целом вопрос «укорененности» правых партий, как и всей системы, на региональном уровне требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Сибирский регион, Первая революция 1905–1907 гг., основные направления общественно- политической мысли и движения, сибирская многопартийность, народники, эсеры, энесы, конституционалисты — либералы, октябристы, правые (черносотенцы).

Специфика развития в большей степени к началу XX в. традиционного российского общества в условиях неорганической, непоследовательной и незавершенной модернизации актуализирует проблематику предпосылок формирования системы российской многопартийности накануне первой революции и до выхода Манифеста 17 октября, в том числе, и на региональном уровне, в контексте анализа общественно — политической ситуации, обусловившей оформление партийных структур в границах основных направлений общественно — политической мысли и движения.

Формирование многопартийности в Сибири с некоторым запозданием развивалось в общероссийской парадигме слева направо, первыми с 90-х гг. XIX в регионе стали оформляться группы и комитеты социал-демократической партии и партии эсеров, но в целом партийный спектр в границах основных направлений определился в период революции 1905–1907 гг. История сибирской многопартийности связана с народнической, затем социал-демократической ссылкой, в целом — социокультурным развитием региона, прежде всего, открытием Университета, затем Технологического института в Томске, строительством Транссибирской магистрали. Общественно — политическая среда на рубеже веков, представленная главным образом разночинной интеллигенцией, отличалась оппозиционностью с областническим уклоном, широким диапазоном мировоззренческих взглядов. Определение политико — мировоззренческих позиций в новых реалиях исторического времени представителей слабо дифференцированного общественного пространства в контурах границ основных направлений конца XIX в. и до выхода Манифеста 17 октября 1905 г. подготовило оформление спектра либеральных и правомонархических партий, рассмотрение данных процессов в административных границах сибирского региона рубежа веков и определило задачу данной статьи.

В современной сибирской историографии установлено, что накануне первой революции общее оппозиционное движение в регионе не определялось деятельностью социал-демократов и эсеров, так как их комитеты и кружки еще находились в стадии формирования. В центре общественной деятельности находилась слабо дифференцированная в политико — мировоззренческом измерении демократическая интеллигенция, объединенная общей оппозиционностью к режиму, к тому же усиленной неравноправным положением Сибири в составе Российской империи.

В условиях отсутствия в Сибири земств, таких организаций как Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов, до революции 1905–1907 гг. центрами

консолидации сибирской демократической интеллигенции становились различные общественные самодеятельные организации и редакции ведущих сибирских газет, содержательное наполнение направлений которых, как правило, еще не имели выраженного принципа «партийности». Слабое размежевание либерализма и левodemократического крыла в народничестве, использование марксистами легальной печати объясняет, почему, например, «под знаменем» такой «прогрессивной демократической газеты» как «Сибирский вестник» в Томске, «группировались представители различных оттенков политической мысли», когда «...народники мирно уживались с истинными областниками и даже с марксистами». [1. С. 296]. «Новые» средние слои консолидировано проявили свою оппозиционность, связанность мировоззренческих взглядов с тактическими установками в работе губернских и уездных комитетов Особого совещания нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. Автор письма (подпись «Май») от 23 декабря 1902 г. к В. Гробер в Берн писал, что в общественной жизни Красноярска «небывалое оживление», «все условия и слои поднялись», «либералы заняты комитетами по сельскохозяйственной промышленности», «еже-субботно устраиваются заседания общества сельского хозяйства, где читают доклады» (последние две читал доклад Е. Г. Шольп), «идут оживленные дебаты», «все требует земства». (2. Ф. 102. Оп. 1898. Д. 9. Ч. 40. Л. 15].

Ведущую роль в разноуровневой и разнонаправленной структуре демократической оппозиции накануне революции играли общественные самодеятельные образования, деятельность которых определялась парадигмой перехода от умеренного просветительства, «культурничества» к открытому противостоянию режиму, уже с 1901 г. с мест стали поступали тревожные сведения о радикализации и социальной направленности деятельности представителей сибирского «общества».

Переход демократической интеллигенции к открытому противостоянию режиму развивался в обществе, для которого было характерно наложение модернизационных процессов на социальные структуры, в ментальном измерении представляющие традиционный архетип — «код» ментальности, сформированный в идеологической парадигме триединой «уваровской» формулы. Собственно первые открытые политические выступления вскрыли уровень устойчивости традиционного социума в условиях российского модернизационного перехода. 18 февраля 1903 г. в Томске прошла студенческая демонстрация, закончившаяся столкновениями с монархически настроенными горожанами при явном нейтралитете полиции (был избит и арестован присяжный поверенный М. Н. Вознесенский), реакцией на демонстрацию стало распространение «листка» — «Патриотического воззвания» с призывом к изгнанию всех «крамольников-моло-

кососов», врагов России, с «горизонта земли русской». [3.1903. № 19; 4]. Архетип традиционализма в сибирском обществе проявился и в проведении молебствий (иногда по просьбе рабочих), и патриотических демонстрациях по случаю начала русско-японской войны.

В условиях объективных социально-экономических процессов модернизационного характера в содержательном измерении внешне единая оппозиция «протестующего меньшинства» на рубеже веков переживала сложный и противоречивый процесс внутренней мировоззренческой дифференциации, к началу XX в. в контурах подвижных границ основных направлений общественно — политического движения определялись течения, в рамках которых шла консолидация сил, в перспективе определивших содержание разновекторных программных платформ и тактических установок пестрого спектра сибирской многопартийности.

В условиях противоречий цивилизованного характера в обществе переходного типа, смены поколения политических ссыльных (народничество сменялось социал-демократией) и распространения марксизма в народнической ссылке развивался кризис «отцов» и «детей», кризис идеологии и тактики определял контуры течений распадающегося никогда не представлявшего единства народнического движения. В период дискуссии с марксистами в 90-е гг. XIX в. по вопросу развития капитализма в Сибири и в целом России в народничестве помимо левого неороднического фланга (в типологии социал-революционеры) определились типологические черты центристского направления, тяготеющего к социализму Н.К. Михайловского. Для данного направления было характерно неприятие как идеологии «малых дел» правонароднического крыла, представленного газетой «Неделя», так и легального марксизма в лице «Нового слова», переданного Н.С. Кривенко в 1897 г. П.Б. Струве. Сохраняя верность демократическим идеалам «шестидесятников», часть народнической ссылки консолидировалась вокруг журнала «Русское богатство». Это была не завершившаяся до первой революции эволюция части народников, в том числе и в Сибири, по линии будущих народных социалистов (энесов). Например, в тактической установке на объединение всех прогрессивных сил — от либералов до революционеров на либерально-народнических, реформистских позициях, близких к организации «Народного права», стояла редакция тобольского «Сибирского листка». [5.1897. 2 января].

Общий демократизм, оппозиционность режиму, эклектичность и расплывчатость областнической идеологии, единство позиций по некоторым базовым вопросам, сохраняли некоторый потенциал сотрудничества областников и эсеров. Демократизм, подпитывая оба направления, обуславливал взаимно примиренческие

позиции, например, редактор «Восточного обозрения» либеральный народник И.И. Попов в своих воспоминаниях писал, что он «по идеологии был федералистом и примыкал к сибирякам, но шел дальше их». [6. С. 232]. Но, например, неонародник (эсер) С.П. Швецов в письме к А.А. Кауфману (б/д) свое «холодное» отношение к «Восточному обозрению» (при всем уважении «как честному органу»), неприятие направления «Сибири» объяснял тем, что не мог «сочувствовать, так называемому, сибирефильству»: «ставши на сибирефильскую точку зрения, можно договориться до геркулесовых столбов», а в теории — «до самых возмутительных выводов в области практики», поэтому не был уверен, что «по какому-нибудь серьезному вопросу русской народной жизни мы не разойдемся врагами». [2. Ф. 5101 (архив А.А. Кауфмана). Оп. 1. Д. 213. Л. 55]. Акцентированное внимание Н.М. Ядринцева на «специфически-сибирском» не разделял кружок С.Л. Чудновского в Иркутске («молодежь ... чувствовала себя ближе к «Сибирской газете»), «общероссийский», «общечеловеческий» подход к проблемам Сибири, критическое отношение «ко всем порядкам» Европейской России обуславливали отрицательное отношение к устремленности Н.М. Ядринцева ограничиться осуществлением в Сибири страдающих «массой дефектов» реформ второй половины XIX в. [7. Ф. 661 (архив М.К. Лемке). Д. 1205. Л. 1–3 об.]. Но и в среде областников в условиях ломки «государственного хозяйства и общественных отношений» развивался процесс «переоценки ценностей», например, областник В.И. Анучин пришел к убеждению, что «чисто сибирские вопросы» не могут питать художественную литературу». В 1898 г. из Петербурга он писал Г.Н. Потанину, что на местном, областном материале беллетристика должна «создавать произведения общечеловеческой ценности». [8. Ф. 381 (архив Г.Н. Потанина). Оп. 1. Д. 2-а. Л. 16 об.]. Разность идейных платформ и тактических подходов к решению вопросов «нужд» Сибири в определенной мере блокировали перспективу организационных связей областников и эсеров, о чем свидетельствует неудавшаяся попытка эсеров при поддержке Г.Н. Потанина в 1903–1904 гг. создать на общедемократической платформе блок оппозиционных сил («народников, марксистов и либералов») — организовать полулегальный «областной союз». Усилия эсеров не дали результатов по причине принципиального расхождения с областниками в подходах к разрешению «сибирских вопросов». В.И. Анучин в письме к Г.Н. Потанину от 14 февраля 1904 г. писал, что «связь со «стариками» у нас что-то плохо ладится», большинство «стариков»-либералов отнеслись к затее уклончиво и опасливо». [8. Ф. 381 (архив Г.Н. Потанина Оп. 1. Д. 2-а. Л. 27 об.-28)]. Сибирское областничество не разделяло и поколение «нового» либерализма, например, С.Г. Сватиков отмечал, что «вопрос о Сибири в областническом движении был настолько чужд редактору «Освобождения» и его сотрудникам, что никто из них в течение всех че-

тырех лет существования органа ни звуком о них не обмолвился». [9. С. 109]. Не удалось Г.Н. Потанину через В.И. Анучина получить поддержку в петербургских кругах в издании сборника «Сибирские мотивы», в 1898 г. В.И. Анучин в письме сообщал, что, «просвещенных капиталистов» «областничество в восторг ... не приводит». [8. Ф. 381 (Архив Г.Н. Потанина). Оп. 1. Д. 2-а. Л. 5].

С началом революции центрами политического самоопределения и консолидации основных направлений общественно-политической мысли и движения в Сибири становятся городские думы, редакции газет, высшие учебные заведения, общественные организации и профессиональные союзы, например, в Томске ведущую роль в процессе определения границ левого фланга либерализма сыграло Юридическое общество, газета «Сибирская жизнь», в Иркутске — Восточно-Сибирский отдел Всероссийского союза инженеров и техников, редакция газеты «Восточное обозрение», в Красноярске — общество врачей, в Тобольске — кружок при местном музее.

После событий 9 января 1905 г., в условиях быстрой политизации населения под лозунгом Учредительного собрания активность и консолидация либералов, в соответствие с политико-мировоззренческими ценностями развивались на платформе конституционализма, в политической реформе усматривался единственный возможный путь выхода страны из революционного кризиса. После событий в Томске 12 и 18 января 1905 г. решение совета Технологического института 29 января 1905 г. прекратить занятия до 1 сентября 1905 г. (аналогичное решение принял и Совет Университета) было мотивировано тем, что «необходимым и неизбежным условием мирного выхода из настоящего безвременья является обеспечение правового порядка, состоящего в неприкосновенности личности и жилища, свободе совести, слова, печати, собраний, союзов, уравнение общегражданских и политических прав всех лиц без различия сословий, национальности, вероисповедания и пола, независимость суда, участие свободно избранного народного представительства в осуществлении законодательной власти и в контроле над администрацией и бюджетом». [10. С. 117–118].

Политический радикализм, прежде всего западников-конституционалистов в начале революции вызвал ментальную реакцию в определяющихся контурах границ консервативного направления, представленного традиционалистско-монархическими структурами сибирского общества. Первыми правую реакцию на конституционализм и революцию выявили политизирующиеся городские думы. Так «четверо гласных Красноярской городской думы отказались подписать резолюцию думы с выражением сочувствия по поводу событий 9 января»,

часть гласных Томской городской думы при обсуждении событий 18 января в городе выступила принципиальным противником революционеров и высказала пожелание «открыто заявить о своем патриотизме и горячо выразить верноподданнические чувства своему возлюбленному монарху». [11. С. 53–54].

На идеологическом уровне контуры традиционалистско-консервативного течения проявились в мировоззренческих границах правого фланга распадающейся «земской партии» — славянофильского консерватизма шиповско-шереметевского толка, в конечном итоге определившее перспективу оформления правомонархического (в типологии и черносотенного) направления как самостоятельного политического движения в парадигме консервативно-славянофильской теории развития России. Выраженно реакция справа была связана с позицией экстраординарного профессора физики Томского Технологического института А.И. Ефимова (в будущем члена томского отдела Союза русских людей, крайне правого крыла Союза 17 октября и затем губернского отдела Союза русского народа) на содержание резолюции, принятой Советом Томского Технологического института на заседании 29 января 1905 г в явно выраженной формулировке введения в стране парламентаризма западноевропейского типа. По поводу студенческих выступлений в институте в январе 1905 г. и решения Совета прекратить занятия профессор выразил свое особое мнение в записке от 31 января 1905 г. («особое мнение» к протоколу заседания Совета 29 января 1905 г.). Позиция А.И. Ефимова была изложена в соответствие с теорией психологии масс Лебона и Фрейда — поведенческого стереотипа человека на уровне бессознательного. Профессор не мог поверить, что студенческая молодежь действительно увлечена лозунгами демонстрантов, которые «слишком уж противоречат не только существующему государственному строю, но и всяким мыслимым в близком будущем его видоизменениям». Массовый характер студенческих демонстраций и митингов в аудиториях института объяснял побудительными мотивами на уровне бессознательного, когда подавленная человеческая индивидуальность, придает гомогенному сообществу типологические качества «толпы-массы», тогда «временно и слепо увлеченное самыми крайними идеями», «организованное и экзальтированное меньшинство в состоянии аффекта принимает участие в действиях под красным знаменем «социальной революции» и лозунгом «долой самодержавие» и, умело воздействуя «то на ум, то на чувство», «сбивает с толку» и вовлекает в смуту находящееся под давлением «тайных сил» большинство. Поэтому А.И. Ефимов категорически отрицал, что причина студенческих волнений «лежит исключительно в недостатках государственного строя», по его мнению, источник заключается «главным образом в причинах нравственного порядка». С верой в «здоровую» со-

циально-культурную природу студенческой молодежи утверждал, что основная масса в искреннем раскаянии испытывает «тяжелое нравственное состояние и колебания», предлагал от имени Совета института указать студентам на «преступность дальнейших обструкций и демонстраций», на принцип беспартийности образования, «призвать ... к порядку» и исполнению своего долга «пред отечеством» и таким образом сохранить смысл «существования нашей школы». Вместе с тем, ситуация внутренней смуты, по мнению профессора, требует определиться институту в своем отношении к происходящим событиям (нарастание революционной агитации в среде учащейся молодежи и железнодорожных рабочих, принявшей «явно изменнический характер» с целью «возбуждения общей стачки по линии Сибирской железной дороги» и «вооруженных демонстраций») как подобает «высшей научной и при том государственной школе» и предложил выразить позицию института — «шагов постепенных и осмотрительных» «в это смутное время» — во всеподданнейшем адресе и таким образом продемонстрировать связь Технологического института с государством. Смысловое содержание адреса профессор А. И. Ефимов сформулировал с позиции неославянофильской консервативной политико-социологической теории, в частности, он указывал, что в адресе не должно быть ни малейшего намека, «что устраняло бы начало самодержавной власти», согласно учению Аксакова и Кавелина, имеющего «глубокие корни и в истории, и в умах народа». Соответственно политическая доктрина была сформулирована в границах шиповско-шереметевского фланга земского либерального консерватизма начала XX в.: самодержавие является гарантией «целостности и спокойствия государства», «само по себе» не исключает «ни широкого самоуправления, ни свободы и достоинства личности», ни общественного представительства в законодательных, судебных и административных «установлениях», «любое движение на почве конституционализма или борьбы партий приведут страну к не предвиденным катастрофам, примером которых могут быть студенческие волнения и банкеты 12 января 1905 г. в Томске, либо к анархии в виде «пугачевщины». Профессор считал необходимым выразить твердую уверенность в том, «что начала, высказанные ГОСУДАРЕМ в указе 12 декабря 1904 г. в своем дальнейшем развитии, при содействии верного ему народа, поведут к обновлению России и подъему народного духа и благосостояния», предлагал в «надежде на милость к увлечениям и заблуждениям» заверить императора в своей готовности «всеми силами служить» делу обновления. Единственно, с чем соглашался профессор — это включить в адрес пожелание дать свободу печати, «как способ, коим могло бы обнаружиться и выясниться то, что назрело и необходимо». Сам факт подачи адреса, по мнению профессора, должен был продемонстрировать полный разрыв института с революционной агитацией и консти-

туционализмом, стать выражением «желания в дальнейшем развитии русской жизни держаться родной почвы». [2. Ф.102. Оп. 99. 1907 г. Д. 77. Ч. 5. Т. 2. Л. 4–5 об]. В результате студенты I и II курсов (271 человек) под предлогом несоответствия уровня профессионализма званию профессора отказались посещать лекции, выполнять лабораторные работы под руководством А. И. Ефимова и обратились к Совету института с просьбой ввести параллельный курс физики в новом учебном году (протокол заседания Совета от 4 ноября 1906 г.). Не смотря на принципиальное возражение профессора, Совет большинством голосов принял решение удовлетворить постановление студенческой сходки. (протокол от 5 декабря 1906 г.). [2. Ф. 102. Оп. 99. 1907 г. Ч. 5. Т. 2. Д. 77. Л. 16, 22–22 об.].

Проявление разноплановых ценностных ориентиров в слабо дифференцированном общественно-политическом пространстве Сибири в начале Первой русской революции было вызвано и с реформаторским курсом режима — подготовкой рескрипта 18 февраля 1905 г.

Обсуждение вопроса представительства в Совете министров до выхода рескрипта 18 февраля 1905 г. на страницах «Сибирской жизни» отразило теоретико-мировоззренческую нерасчлененность «старого» и «нового» либерализма, одновременно — и намечающиеся контуры его внутренней дифференциации. Введение института представительства в политическую систему страны идеологи трактовали в основном в логике основных постулатов теории позитивизма («социологической науки»), проблему рассматривали в контексте эволюционной доктрины прогресса, становления личности, гражданственности — залога «настоящей и будущей жизни нашей страны и нашего народа», условия применения «грандиозных творческих сил земли», «сознательного гения самого народа». [12. 1905. 6 февраля]. Определяющим в идейно-теоретическом и политическом измерении направления «Сибирской жизни» была ориентация на либерально-западническую модель, но с учетом национальных, исторических, культурных традиций общества. Поэтому в теоретическом обосновании социально-политических позиций присутствовало обращение к поколению философов идеалистов — носителей «идей, за которые боролись люди 40-х годов», особая ценность которых заключалась в обладании «именно теми знаниями, которые необходимы при перестройке старого на новое в народной жизни», в активной гражданской позиции. Эволюционное развитие России в парадигме общеевропейского цивилизационного процесса связывалось и с ролью умеренного либерализма 40-х гг. XIX в. в подготовке крестьянской реформы 1861 г., историческое значение которой понималось с точки зрения реализации основополагающих либеральных ценностей, так как заданное крестьянской реформой развитие

(хотя и замедленное) российского общества идет «по пути освобождения личности от всяких видов закрепощения». [13].

В период обсуждения вопроса о созыве Земского собора «Сибирская жизнь» отразила и основные мировоззренческие ориентиры «казенно-патриотической» организации славянофильского толка «Русского собрания», проводником которых было «Новое время» А. С. Суворина. А. С. Суворин продолжал отстаивать курс реформ в границах самодержавного государства с установкой на политическую волю правительства, «широкую гласность» и «свободу критики» при обсуждении законопроектов. При этом выход из революционного кризиса связывал не столько с партийной борьбой (речь идет «ни о каких-то переходящих течениях, ни об игре в выгоды или невыгоды»), сколько с нравственными категориями — архетипами национального менталитета, на которые с началом революции попытались опереться умеренные правые («патриотизм, который поднимается высоко над частными интересами», национальное самосознание, осознание ответственности каждого за судьбу своей страны, «не смотря на разность убеждений», солидарность общественных сил), так как «дело идет о России, об ее положении внутреннем и внешнем, об ее целостности, об ее будущем», «каждый русский должен с этим считаться, иначе он не русский». А. С. Суворин призывал перейти от теоретической к практической деятельности с тактической установкой на объединение кружков и организаций, «доселе разбросанные, неопределенные», была сформулирована стратегическая задача сплотить эти разрозненные силы в партию. [12. 1905. 6 февраля]. Не случайно после выхода Манифеста 17 октября 1905 г. призыв к созданию правой всесословной консервативной партии шел от РС, затем поддержанный «москвичами» и практической организационной деятельностью СРЛ. В Сибири правые впервые открыто заявили о своем существовании именно в границах религиозно — нравственных, политико-мировоззренческих ориентиров правого фланга фактически распавшегося земского либерализма шиповско-шереметевского (неославянофильского) толка с выходом 1 сентября 1906 г. томской газеты «Сибирские известия».

Одновременно с позиций позитивизма — соответствия политической системы объективному закону эволюции общества к гражданскому обществу и правовому государству на основе формирования обладающей всем объемом прав гражданской свободы личности — заявила о себе на страницах «Сибирской жизни» группа левых сибирских либералов («социальный позитивизм», «новый либерализм»), обозначив контуры разрыва «в политических ориентациях» с традицией идеалистической философии поколения 40-х годов XIX в., «отличительной чертой» которых стала пропаганда «конституционной демокра-

тии» и степень оппозиционности режиму. Профессор Томского университета И. Малиновский в статье «Общество и правительство (по поводу Высочайшего рескрипта 16 февраля)» писал, что «в новейшей историко-юридической литературе» «взгляд» К. Аксакова — «правительству — сила власти, земле — сила мнения» — «считается ошибочным», часть профессоров университета не рассматривает Земские собрания как представительные совещательные учреждения, так как их права определялись не законом, а обычаями, теперь представительные учреждения должны определяться точным законом на основе «опыта истории и указания науки». Профессор однозначно констатировал, что исторический опыт и наука «указывают на несостоятельность совещательных собраний народных представителей». Отсюда очевидной становилась ориентация на кардинальные реформы политического и социального строя России, на законодательный характер Земского собрания, всесословные, демократические представительные органы, формирующиеся на основе независимых выборов. [14].

Более четко контуры границ либерального (в основном левого фланга) и умеренно правого направлений общественно-политической мысли и движения в регионе стали определяться в период петиционной кампании с выходом указа Сенату 18 февраля 1905 г. и затем подготовки проекта земской реформы в Сибири согласно рескрипта 3 апреля 1906 г. на имя иркутского генерал-губернатора П. И. Кутайсова. Каналами активизации общественных сил стали городские думы и думские комиссии, в деятельности которых выявилась достаточно последовательная, хотя и слабо выраженная реакция справа, прежде всего на конституционализм в «упаковке» областничества, зачастую предложения слева по решению неотложных нужд Сибири корректировались справа с точки зрения, что поставленные вопросы уже признаны и рассматриваются «с высоты престола» (позиция Шильдер-Шульднера и Барта на заседании кружка Тобольского музея 11 марта 1905 г.).

По поводу выхода рескрипта 18 февраля городские думы официально продемонстрировали свою позицию в верноподданных адресах (Енисейская, Красноярская, Иркутская, Томская, Семипалатинская). Указ на имя министра внутренних дел Томская городская управа расценила как выражение готовности верноподданного «дворянства, земства, купечества, городских и крестьянских учреждений» «содействовать успешному выполнению возведенных преобразований» в соответствии «желанию ГОСУДАРЯ совместной работой правительства и зрелых сил общественных достигнуть осуществления предначертаний, ко благу народа направленных», а сам рескрипт как залог «мирного прогрессивного течения русской жизни», знаменующий «начало новой эпохи, эпохи величия нашей дорогой Родины». Дума явно проявила политическую

ориентацию в русле умеренного земского конституционализма с присущими сибирскому либерализму чертами областничества. В границах мировоззренческой парадигмы «старого» либерализма в адресе на имя министра внутренних дел думцы указывали, что «только в постоянном единении со своим ГОСУДАРЕМ и участии в законодательных актах население г. Томска видит выход из того поистине тягостного положения, в котором находится в настоящее время дорогая наша Родина», обратив внимание властей на неотложные нужды отдаленной, находящейся в неравноправном положении с центром, территории (нет земств, суда присяжных), с пожеланием («осмелились просить») на пропорциональное к населению Европейской России представительство сибиряков «в собрании доверенных лиц» и надеждой, что пословица «до Бога высоко до Царя далеко» для сибиряков «отойдет навсегда в область преданий». При этом большинством голосов было отклонено предложение А. Н. Шипицина дополнить текст адреса положением Красноярской городской думы, касающееся условий, гарантирующих избрание действительно «достойных, доверием народа облеченных людей». [15. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2951. Л. 109 об.-111; 12. 1905. 10 марта].

Для обсуждения думских адресов, но главным образом записок в Совет министров, гласные стали собираться на частные собрания, где они могли «более свободно высказывать свои пожелания и мнения» (предложение гласного Томской городской думы М. С. Чернышова на заседании 22 февраля 1905 г.). [15. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2951. Л. 114]. Комиссии проявили общность позиций в вопросе представительства, при этом официальные формулировки с выражением «верноподданнических чувств» не соответствовали политическим позициям левых, которые на частных заседаниях обсуждали содержание записок конституционного характера, так как вопрос о реформировании городского самоуправления напрямую связывали с общеполитическими преобразованиями — созывом народного представительства с законодательными функциями, введением в стране гражданских свобод, как главного условия «ликвидации бюрократической системы управления и умиротворения страны» (Томская, Барнаульская, Красноярская, Иркутская городские думы). [16. С. 123, 125].

Под лозунгом Учредительного собрания в ходе обсуждения содержания записок в Совет министров в политическое движение втягивались и различные общества, не имеющие права «обсуждать политические вопросы», причем, в ряде мест заседания обществ с «присутствием посторонней публики» становились факторами открытых протестных выступлений под политическими лозунгами и «красными флагами».

На собрании Общества врачей Енисейской губернии 31 мая 1905 г. в городском театре под председатель-

ством «стоящего во главе революционного движения в Красноярске» доктора В. М. Крутовского, выступавшие «в резких выражениях порицали существующий строй», «призывали к свободе и перемене образа правления», критиковали политику С. Ю. Витте. Во время зачитания Козловым резолюции Пятигорского общества врачей из ложи первого яруса предположительно П. И. Кусковым были выброшены прокламации (одна из них «К обществу»). Собрание закончилось манифестацией с революционными песнями, лозунгами и «несколькими красными флагами», собравшиеся прошли по Воскресенской улице к Покровскому переулку, у магазина купца Дегтярева, «близ Покровского сквера», раздались выстрелы. По-видимому, это была провокация, по сведениям агентуры, из ворот магазина Дегтярева «выскочила молодая барыня с револьвером и стала ругать демонстрантов дармоедами и негодьями, смущающих народ, и пообещала их всех перестрелять», при этом сама «выстрелила в воздух», затем раздались выстрелы со стороны демонстрантов, после чего «началось беспорядочное бегство толпы». [17. Ф. 25. ОЦ. Д. 275. Л. 1, 5–7, 12.; Ф. 25. Оп. 6. К. 488. Д. 2663. Л. 1].

В Юридическом обществе идейно обоснованная теория прогресса в мировоззренческих взглядах университетской профессуры обусловила обсуждение вопроса полномочий представительства только в границах законодательного права. [18].

Рескрипт 18 февраля выявил наличие в общественно-политической жизни Сибири довольно значительные либеральные силы, которые, пройдя через несостоявшиеся завышенные ожидания периода деятельности Особой комиссии А. Г. Булыгина, в основной своей массе пойдут по пути радикализации, центр политической активности будет переходить на уровень самостоятельных организаций, и городских дум, надежды на реформирование политического строя на конституционных основах, как главного условия решения социально-экономических вопросов, станут связываться не с политикой государства, а с партийной борьбой за места в Государственной думе, допуская в тактике и радикальные средства.

В профсоюзном движении наиболее левые позиции в борьбе за конституцию в границах либерального движения занимал иркутский Союз инженеров и техников, проект платформы которого по основным положениям был близок к программе конституционно-демократической партии. [17. Ф. 600. Оп. 1. Д. 236. Л. 5–7].

В системе мировоззренческих ценностей стратегически тактика сибирских либералов-интеллигентов определилась на этапе подготовки Булыгинской думы, затем избирательного закона 6 августа и Манифеста

17 октября. Основная направленность тактической эволюции либералов была связана с работой обще земских съездов, которым, как отмечал И.И. Попов, «придавали большое значение». [10. С. 261, 264–265]. Постепенно очищаясь от областничества, генерация сибирских либералов-интеллигентов весной-осенью 1905 г. проявили тенденцию к объединению с общероссийским либеральным движением преимущественно в границах левого фланга освобожденчества, завершив свою политическую эволюцию с оформлением отделов партии кадетов.

Думские либералы освобожденческого толка в ходе обсуждения содержания адресов и записок проявили характерную черту русской интеллигенции — нетерпимость к мнению оппонентов, прежде всего справа, хотя отношение к монархистам-традиционалистам в сибирском либерализме оказалось не однозначным (правый фланг — октябристы на начальном этапе генезиса в ряде регионов стали центром притяжения правых). Но в целом не случайно впоследствии и умеренными, и крайне правыми культурно-типологический — западнический образ русского интеллигенции будет восприниматься в качестве главного «внутреннего врага» — разрушителя исторически сформировавшихся устоев-начал Российской государственности.

В период петиционной компании после выхода рескрипта 18 февраля 1905 г. явно проявилось открытое противостояние правых политическому радикализму конституционалистов. 30 мая в Красноярской думе гласные Н.Ф. Селянин и А.Ф. Комаров (в будущем члены Красноярского отдела Союза русского народа) «после преступной речи» П.И. Кускова (требовать немедленного созыва народного представительства, которое должно решить вопрос о войне), «сославшись на головную боль», оставили зал заседания, а затем совместно с гласным А.Г. Смирновым (организатор протопартийного объединения правого толка в Красноярске «Союза мира и порядка», на базе которого осенью 1906 г. был открыт отдел СРН) заявили особое мнение относительно принятой резолюции по вопросу представительства. Инцидент в думе в донесении Енисейского губернатора от 7 июня 1905 г. объяснялся позицией П.И. Кускова, который аргументировал свое выступление ссылкой на заявление 164-х местных жителей в Красноярскую думу и соответствие содержания записки своему выступлению по вопросу компетенции представительства решить вопрос о войне. Гласный Н.Ф. Селянин попытался снять с повестки заседания вопрос о представительстве с законодательными правами (заявление 164-х не значится в повестке собрания и не может обсуждаться), на что гласный В.М. Крутовский предложил ему покинуть зал заседания: «Если кто не желает слушать заявление, то может выйти на это время в другую комнату». [17. Ф.25. Оц. Д. 275. Л. 8 об., 10–10 об.]. Подобная ситуа-

ция сложилась и в иркутской комиссии. На возражение справа по поводу компетенции думы обсуждать вопрос о необходимости коренных реформ и изменении основного закона И.И. Попов предложил тем, кто не согласен покинуть заседание («ушел один Юзефович»). [10. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. С. 250].

Вместе с тем, реакция на митинги, организуемые революционной интеллигенцией (эсерами, социал-демократами) с участием рабочих, глубинных слоев традиционного социума свидетельствовала о наличии «питательной базы» (социоментальных предпосылок) формирующегося консервативно-монархического (правого, в типологии и черносотенного) движения в общественно-политическом пространстве региона. Летом 1905 г. в Барнауле митинг под лозунгом «Долой войну» закончился избиением агитаторов, так как они в своих выступлениях «затронули монархические и религиозные предрассудки толпы». [19. С. 184]. Соответствующую реакцию на угрозы разрушения жизненного уклада проявили и мещанские общества после выхода Манифеста 17 октября 1905 г. То есть вопрос об «укорененности» правых партий, как и всей системы многопартийности на региональном уровне требует дальнейшего исследования.

Таким образом, еще до выхода Манифеста 17 октября 1905 г. в политико-мировоззренческом пространстве Сибири определились контуры границ не только основных направлений общественно-политической мысли и движения, но и размежевание направлений на течения: социалистическое и его разновидность неонароднического толка — эсеры (правые — левые), энесы, либеральное — прежде всего левый фланг (кадеты), слабее проявилось правомонархическое направление на базе религиозно-нравственной политической философии умеренного неославянофильского консерватизма шиповско-шереметевского толка (оформится в Томске в интеллектуальный «кружок» — отдел СРН еще до выхода Манифеста 17 октября). Причем, граница правого фланга либерализма — октябризма оставалась размытой и в период образования партийных комитетов и союзов после Манифеста 17 октября, первые протопартийные образования, такие как Тобольская партия Центра, отдел СРН в Томске после выборов в Государственную думу вошли в состав местных отделов Союза 17 октября и заняли место на его крайнем правом фланге, Красноярский союз Мира и порядка проявил тенденцию к образованию отдела Союза.

Статья подготовлена и опубликована при финансовой поддержке директора по Управлению бизнесом в Регионах России, Компании Coca-Cola Hellenic Алексея Александровича Селиверстова. Автор выражает искреннюю признательность и благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крутовский В. М. Периодическая печать в г. Томске // Город Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1912. 296 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
3. Освобождение. 1903. № 19.
4. Ищенко О. В. Студенческая и учащая молодежь как фактор общественной и культурной жизни Сибири (конец XIX — начало XX в.). Омск: Омский гос. ун-т, 2010. 498 с.
5. Сибирский листок. 1897. 2 января.
6. Попов И. И. Минувшее и пережитое: Сибирь и эмиграция. Воспоминания за пятьдесят лет Л.: Колос, 1924. Ч. 2. С. 232.
7. Институт русской литературы. Рукописный отдел (ИРЛИ РО).
8. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
9. Сватиков С. Г. Россия и Сибирь (к истории сибирского областничества в XIX веке). Прага: Изд-ние общества сибиряков, 1929. 120 с.
10. Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. 384 с.
11. Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1978. 169 с.
12. Сибирская жизнь.
13. М-ъ. 19 февраля 1861 г. // Сибирская жизнь. 1905, 19 февраля.
14. Малиновский И. Общество и правительство (по поводу Высочайшего рескрипта 16 февраля) // Сибирская жизнь. 1905. 25 февраля.
15. Областное Государственное казенное учреждение Государственный архив Томской области (ОГКУ ГАТО).
16. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 — феврале 1917 г. Хроника. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 400 с.
17. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
18. Малиновский И. Беседы по вопросам государственной жизни // Сибирская жизнь. 1905. 3 апреля, 24 мая.
19. Шемелев В. И. Барнаул в 1905–1907 гг. // Сибирские огни. 1925. № 4–5. С. 180–200.

© Корнеева Галина Андреевна (korn-galina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Хакасский государственный университет